СИБИРСКІЙ

СБОРНИКЪ

НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

подъ редакціею Н. М. Ядринцева.

Приложеніе къ „Восточному Обозрѣнію“

1887 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1887.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

I. Полярныя страны Сибири. (Замѣтки и наблюденія въ Колымскомъ округѣ). **П. Рябкова** 1

II. Купля-продажа крестьянскихъ земель въ Тобольской губерніи. **С. Марусина** 43

III. На зарѣ жизни человѣчества. **Н. Я.** 55

IV. Сибирскіе инородцы. Изъ книги Оскара Пешеля: „Völkerkunde" 6-te Auflage v. A. Kirchhoff. Leipzieg. Dunker und Humblot. 1885 71

Біографическая замѣтка объ Оскарѣ Пешелѣ, профессора **Э. Ю. Петри** 98

V. Обзоръ иностранныхъ извѣстій о Сибири 2-й половины XVI вѣка. **И. И. Тыжнова** 101

VI. О Европейскихъ колоніяхъ. (Изъ сочиненія Рошера: Kolonien und Kolonial-politik) 148

VII. Воспоминанія о Сибирской золотопромышленности. **А. Б—ой** 168

VIII. Природа и жизнь на южныхъ берегахъ озера Балхаша. **А. Н. Краснова** 187

IX. Передвиженія и судьбы тюркскаго народа. (Глава VI изъ послѣдняго сочиненія Вамбери: Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig. 1885) 206

X. Сказанія и легенды минусинскихъ татаръ. **Н. Ѳ. Катанова** 218

XI. Таежный карнавалъ. Сочиненіе **Бусъ-Хараха (Александрова)** 239

XII. Библіографія. Свѣдѣнія о тюркахъ Енисейской губерніи **Н. Ѳ. Катанова** 278

ВОСПОМИНАНІЯ О СИБИРСКОЙ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Съ дѣтства моего я много ѣздила, много видала людей, почему мнѣ не казалось страшнымъ, когда, при замужествѣ моемъ, объявили мнѣ, что я должна отправиться съ мужемъ въ Сибирь, гдѣ у него были дѣла по золотопромышленности; но, тѣмъ не менѣе, я часто думала объ этой поѣздкѣ и имѣла очень смутное понятіе о предстоящей мнѣ тамъ жизни. Черезъ годъ мы пустились въ путь, въ концѣ февраля 1849 года; зима была теплая, дорога до Томска отличная, ѣхали мы быстро, останавливаясь только въ большихъ городахъ; не смотря на это, мнѣ казалось, что разстояніе все будто увеличивается, когда на мой вопросъ: далеко ли еще намъ ѣхать? получала отвѣты: «3,000 верстъ, 2,000 верстъ и проч.». Въ самомъ дѣлѣ, разстоянія ужасныя и могутъ показаться неизмѣримыми и не въ 18 лѣтъ! Такъ какъ въ февралѣ была ярмарка въ Ирбити, и у мужа тамъ было дѣло, мы заѣхали туда на нѣсколько дней, но прежде этого провели недѣлю въ Нижне-Тагильскомъ заводѣ гг. Демидовыхъ, у нашихъ родственниковъ. Въ Тагилѣ я встрѣтила такое прекрасное общество, такіе роскошные и удобные дома, такую жизнь, что положительно нельзя было думать, что находишься за нѣсколько тысячъ верстъ отъ столицы. Болѣе всего привлекъ мое вниманіе главноуправляющій хозяйственной частью завода, Д. В. Б—въ. Если не ошибаюсь, онъ происходилъ изъ заводскихъ крѣпостныхъ Демидова и, какъ многіе другіе тагильцы, получилъ хорошее образованіе, бывалъ за границей и проч.; ума онъ былъ большаго, обращеніе самое пріятное, словомъ, человѣкъ такой, что встрѣчи съ нимъ долго не забудешь. Тамъ же былъ въ это время другой управляющій-техникъ Ф. И. Ш., тоже Демидовское твореніе, получившій воспитаніе въ Парижѣ, въ совершенствѣ знавшій, какъ говорятъ, заводскую часть; но онъ, сравнительно съ Б., про-

изводилъ непріятное впечатлѣніе и, не смотря на свой обширный умъ, впослѣдствіи игралъ очень жалкую роль въ енисейской золотопромышленности, желая вести дѣло тутъ, какъ велъ въ Тагилѣ при крѣпостномъ правѣ.

Ирбитская ярмарка показалась мнѣ чрезвычайно грязной, незначительной, неинтересной въ сравненіи съ Нижегородской, которую я не разъ видѣла: лавки темныя, какія-то убогія, товары старомодные, на улицахъ грязно, толкотня. Конечно, я не входила тогда *въ значеніе* этой ярмарки для Сибири, а говорю только о ея внѣшности, самой непривлекательной. Тутъ познакомилась я съ А. Ѳ. Пукаревскимъ игравшимъ большую роль въ Зап. Сибири; теперь толкуютъ о его винокуренныхъ заводахъ, пароходахъ и проч., но въ то время еще говорили о немъ, какъ о представителѣ свѣтскости и красоты; и точно: до сихъ поръ помню его визитъ ко мнѣ, перчатки beurre frais, элегантный туалетъ и самую свѣтскую бесѣду, приправленную сознаніемъ своихъ побѣдъ въ различныхъ гостиныхъ.

Наконецъ, добрались мы до Томска; задолго еще до этого города началъ говорить мой мужъ, что въ Томскѣ предстоитъ мнѣ видѣть многихъ изъ его старыхъ знакомыхъ, между прочимъ, хорошаго пріятеля его, очень милаго добраго, человѣка, П. С. С. Въ городъ мы пріѣхали рано утромъ, а около часа дня является къ намъ джентльменъ, изящно одѣтый, въ цилиндрѣ, въ прекрасной шубѣ, на Орловскихъ рысакахъ, но до такой степени пьяный, что нужна оказалась помощь нашего лакея при входѣ гостя на лѣстницу. Каково же было мое удивленіе, когда этотъ странный посѣтитель оказался тѣмъ пріятелемъ мужа, о которомъ я всю дорогу слушала разсказы,— онъ былъ точно добродушный господинъ, до-нельзя радушный, честный человѣкъ, но страсть къ вину заглушала всѣ его хорошія качества, и для томскихъ жителей было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ видѣть П. С. едва стоящимъ на ногахъ въ часъ дня; для меня же, постоянной жительницы такихъ городовъ, гдѣ шампанское подается только при торжественныхъ случаяхъ, гдѣ ни за какія деньги не удается видѣть визитирующаго *пьянаго джентльмена*, такое зрѣлище было просто ужасно! Я уже думала, что по этому образцу живутъ *всѣ* въ Сибири, что я не буду имѣть другаго общества, какъ съ утра до ночи пьяныхъ господъ, что стоитъ мнѣ доѣхать до мѣста нашего жительства, и мужъ мой окажется такимъ же кутилой, какъ его томскіе пріятели! Плакала я горько при всѣхъ этихъ размышленіяхъ, какъ вдругъ слышу въ другой комнатѣ разговоръ старика, извѣстнаго богатаго золотопро-

мышленника, С. Г. Ш., укина съ моимъ мужемъ о какомъ-то дѣлѣ, въ которое замѣшанъ и мужъ; рѣчь идетъ о разбитыхъ окнахъ, о поданной жалобѣ, о заплаченныхъ за это деньгахъ, и затѣмъ успокоеніе, что дѣло уже кончено, можно безъ всякаго опасенія ѣхать въ Енисейскъ... Опять новая картина сибирскихъ нравовъ, опять слезы еще сильнѣе, и хотя 10 лѣтъ, проведенныя мной въ Енисейскѣ, не только совершенно примирили меня съ Сибирью, но оставили во мнѣ самое лучшее воспоминаніе, все же первый мой пріѣздъ въ Томскъ до такой степени былъ для меня тяжелъ, что я всегда въѣзжала въ этотъ городъ очень неохотно, и считаю, что жизнь тамъ въ то время была худшая изо всѣхъ городовъ Сибири.

Такъ какъ весна въ 1849 г. была очень ранняя, то въ Ачинскѣ намъ пришлось бросить зимній экипажъ и ѣхать въ тарантасѣ по ужасной дорогѣ; но тамъ, около станціи Казачей, верстъ за 100 до Енисейска, оказалось опять такое множество снѣга, что мы принуждены были взять крошечныя повозочки, въ которыхъ возятъ почту; точно скорлупки, онѣ маленькія, и на всякой верстѣ, разъ по пяти были мы на боку; наконецъ, не доѣзжая семи верстъ до города, насъ до того напугали лошади при спускѣ съ горы, что я не могла ѣхать дальше, принуждена была ночевать въ Верхней деревнѣ, за семь верстъ до Енисейска, и нашла тутъ такое чистое помѣщеніе, такихъ добрыхъ хозяевъ, что послѣ часто ѣздила туда на тройкахъ, ради катанья, а лѣтомъ даже ходила пѣшкомъ и всегда вспоминала, что эта семья сибиряковъ первая оказала мнѣ участіе при въѣздѣ въ тотъ городъ, съ которымъ впослѣдствіи я такъ сжилась.

Пріѣхали мы въ Енисейскъ 24-го марта, заняли на первый разъ комнаты три въ домѣ одного енисейскаго купца, такъ какъ въ то время не было тамъ ни гостинницы, ни даже постоялыхъ дворовъ, и всѣ пріѣзжіе должны были искать помѣщенія у обывателей, а болѣе извѣстныя лица пользовались *отводными* квартирами въ домахъ богатаго купечества. Наша квартира оказалась сносной, только было одно неудобство: хозяйка являлась ежеминутно и дѣлала замѣчанія, напр., по поводу перестановки мебели въ иномъ вкусѣ, нежели она привыкла ставить; впрочемъ, мы прожили у ней не болѣе недѣли, пока нашли себѣ удобную квартиру на берегу Енисея, гдѣ могли расположиться свободнѣе. Въ этомъ помѣщеніи, раньше насъ, жили золотопромышленники З., которыхъ я ужъ не застала, но слышала много разсказовъ о нихъ; напримѣръ, какъ они въ 10 часовъ утра считали долгомъ поить шампан-

скимъ всякаго приходившаго къ нимъ даже по дѣлу; какъ играли въ карты, раскладывая grand patience, т. е. съ условіемъ платить по золотому всякій разъ, какъ пасьянсъ не выйдетъ, и эту оригинальную игру придумали они по тому случаю, что банкъ уже очень надоѣлъ! Вообще, въ эпоху моего пріѣзда въ Енисейскъ, *золотой* была самая мелкая монета тамъ, и всего болѣе въ ходу: за молебенъ давали золотой; повару, за вкусно приготовленное блюдо,—золотой; посылая на рынокъ, вручали экономкѣ непремѣнно нѣсколько золотыхъ. За то черезъ 10 лѣтъ, когда я оставляла Сибирь, *золотого* мы и не видывали, развѣ только сохраняли *одинъ* во весь годъ съ монетнаго двора, полученный за золото! Итакъ обращаюсь къ нашему прибытію: первый, кого я увидала въ Енисейскѣ, былъ, теперь уже давно умершій, Е. Д. М. Эта личность чрезвычайно интересная; нужно было бы не мое перо, чтобы его описать: рыцарская честность, прямота, смѣлость, энергія, въ немъ были удивительныя, но при всемъ этомъ не доставало характера воздержаться отъ вина, и онъ умеръ именно отъ этого недуга. Какъ многіе тагильцы, М. воспитывался во Франціи, въ какой-то школѣ, гдѣ особенное вниманіе обращали на почеркъ, и М. писалъ замѣчательно хорошо, да и щеголялъ же онъ своимъ почеркомъ! То напишетъ такъ мелко и четко свою фамилію, что въ микроскопъ только читать, то разрисуетъ какой-нибудь листъ однимъ почеркомъ и поразитъ своей каллиграфіей всякаго. Зимой и лѣтомъ онъ обливался холодной водой; лѣтомъ, конечно, купался, какъ всѣ, но зимой поступалъ очень оригинально: выходилъ во дворъ къ бочкѣ, и тамъ на него выливали нѣсколько ведеръ воды; потомъ, не смотря ни на какую погоду, въ холодномъ пальто и кожаной фуражкѣ, отправлялся онъ пѣшкомъ верстъ за 5—7; ходилъ такъ скоро, что другая лошадь не догонитъ; прекрасно ѣздилъ верхомъ, ходилъ на лыжахъ, до смерти любилъ тайгу и ужасно скучалъ въ Петербургѣ. Что касается до его страсти къ вину, то и въ этомъ онъ былъ оригиналенъ; напримѣръ, напьется на какомъ-нибудь *балу* до того, что ляжетъ на кровать въ комнатѣ дочери хозяина, предварительно надѣвъ на себя ея капотъ, или уснетъ въ передней на сундукѣ; но, *если захочетъ, могъ не пить* по нѣскольку мѣсяцевъ. Всю масляницу трезвымъ его не увидишь, затѣмъ въ прощеное воскресенье вечеромъ отвозятъ его въ сторожку, въ соборъ. Онъ тамъ выспится и весь постъ капли вина не беретъ въ ротъ, а первую недѣлю говѣетъ и усердно молится. Для полной его характеристики еще разскажу одинъ эпизодъ: когда онъ бывалъ

пьянъ, дѣлался смертельно блѣденъ и дерзокъ до забвенія всѣхъ приличій; спорилъ ежеминутно, лѣзъ чуть не въ драку при всякомъ противорѣчіи. Вскорѣ по нашемъ пріѣздѣ случилось у моего мужа очень важное дѣло, вслѣдствіе котораго пришлось пригласить М. къ намъ обѣдать, не смотря на то, что онъ въ этотъ день былъ ужасно пьянъ... Я испугалась до такой степени подобнаго гостя, что не хотѣла къ нему выдти, но мужъ сказалъ мнѣ, что М. этимъ оскорбится и, пожалуй, повредитъ дѣлу... Вышла я еле живая, сѣла за столъ, и что же! Этотъ наводящій страхъ на весь городъ человѣкъ оказался—самымъ деликатнымъ, вѣжливымъ гостемъ. Не только перестала я его бояться съ того времени, но была всегда убѣждена, что М., какъ бы ни напился, знаетъ вполнѣ приличія, и, если ихъ не соблюдаетъ, то единственно по той же причинѣ, по какой онъ разъ на балу, провальсировавъ со мной въ перчаткахъ, тотчасъ же ихъ снялъ, громко, не стѣсняясь, сказавъ: «ну, теперь можно и безъ перчатокъ!»

Въ одно время съ нами пріѣхали въ Енисейскъ новыя власти: окружный начальникъ, А. И. Р., и городничій, Е. А. Е. Первый былъ полякъ, чрезвычайно умный, тонкій, вѣжливый, но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣловой и хорошій человѣкъ; держался онъ чисто губернаторомъ, да и жители его всѣ такъ уважали, что съ удовольствіемъ оказывали ему почетъ. Человѣкъ онъ былъ не семейный, хотя ужъ не юный, но, исключая двухъ-трехъ домовъ, нигдѣ почти не бывалъ и велъ самую скромную жизнь. Не таковъ былъ нашъ городничій, гусаръ старыхъ временъ, владимірскій помѣщикъ, широкая русская натура: бывъ на службѣ, онъ отличался храбростію; на Кавказѣ, напримѣръ, вынесъ съ своими гусарами на рукахъ гр. Муравьева Амурскаго и, по разсказамъ графа, выставлялъ ноги непріятелю, крича: «на пенсію», т. е. желая, чтобъ его ранили для полученія пенсіи, однако это желаніе не исполнилось, и нашъ почтенный Е. А. пріѣхалъ въ Сибирь городничимъ, живъ и невредимъ. Прежде онъ былъ въ Тюмени, гдѣ, вѣроятно, еще помнятъ его простую, добрую, веселую, радушную личность, съ его поваромъ Савушкой, который, изъ крѣпостныхъ людей, сопровождалъ его во всѣхъ походахъ (а на службу Е. А. поступилъ 16-ти лѣтъ), кормилъ часто барина на свой счетъ въ дни безденежья, и готовъ былъ за него идти въ огонь и воду. Кутила былъ Е., какъ всѣ гусары, но для кутежа ему всегда нужна была *хорошая компанія*— съ едва знакомыми онъ и пить не станетъ; любилъ онъ выпить съ дюжинку бутылокъ «холодненькаго», затѣмъ протанцовать очень

чинно кадриль, иной разъ и съ кавалеромъ *за даму*—это даже лучше. Своимъ городничествомъ онъ оставилъ самое лучшее воспоминаніе, но не потому, чтобы дѣйствія его были замѣчательны, какъ градоначальника, но всѣ и каждый любили его за необыкновенную доброту и непритязательность. Всякому вновь прибывшему въ городъ домъ его былъ открытъ; случалось даже, что Е. А., не шутя, сердился за то, что какой-нибудь пріѣзжій давно у него не обѣдалъ: для него не было большаго удовольствія, какъ оказать хлѣбосольство заѣзжему юношѣ, и пріемъ въ его домъ былъ рѣшительно для всѣхъ одинаковъ; случалось видѣть у него бѣднаго регента енисейскихъ пѣвчихъ за однимъ столомъ съ блестящимъ адъютантомъ генералъ-губернатора, и казались эти гости совершенно равными по вниманію къ нимъ радушнаго хозяина, и если бы какой-нибудь «франтъ съ королевской псарни» (любимое выраженіе Е., обозначающее черезчуръ много думающихъ о себѣ молокососовъ) дозволилъ какую-нибудь гримасу въ отношеніи этого бѣднаго регента, то не ушелъ бы онъ отъ хозяина цѣлымъ и невредимымъ...

Хорошъ былъ старикъ гусаръ въ полной формѣ въ соборѣ, вынимающій безпрестанно свои часы-луковицу, чтобъ убѣдиться, сколько времени еще стоять за молебномъ... А когда онъ громогласно возвѣщаетъ, что статья 2420 свода законовъ гласитъ то-то, такъ вы и чувствуете, что эту статью онъ самъ лично ни разу въ жизни не читалъ, а сообщилъ ему объ ней *только въ это утро* его секретарь. Помню я еще Е. А. кричащимъ: «мальчикъ, квасу!» въ то время, когда забудутъ хозяева приготовить любимый имъ эль около карточнаго стола... Въ карты игралъ онъ охотно, спорилъ ужасно при всякой проигранной игрѣ, но, разумѣется, все это забывалось, какъ только сядутъ за ужинъ, и начнетъ нашъ гусаръ разсказывать свои обычные анекдоты изъ жизни въ Польшѣ, на Кавказѣ, анекдоты, въ которыхъ появляются разныя громкія имена, и старикъ какъ будто вновь переживаетъ всѣ эти событія. Вспыльчивъ онъ былъ страшно; разъ чуть не убилъ камнемъ въ окно своего лакея за то, что тотъ утромъ, вмѣсто уборки комнаты, возсѣдалъ на его покойномъ креслѣ и пѣлъ громко теноромъ: «Скажи мнѣ, Господи, кончину мою»; но, передавая на другой день намъ этотъ эпизодъ, старикъ хохоталъ до слезъ. Болѣзнямъ онъ положительно не вѣрилъ и говорилъ, что всѣ эти хворости происходятъ отъ *воображенія*; здоровье у него самого было завидное, если взять въ разсчетъ все количество вина, имъ выпитаго,

и все то, что онъ пережилъ до 60-лѣтняго возраста. Въ день причастія св. тайнъ онъ считалъ долгомъ напиться въ лежку, тоже въ хорошей компаніи; словомъ, былъ вѣренъ себѣ! Проживъ въ Енисейскѣ года три, онъ былъ переведенъ полиціймейстеромъ въ Иркутскъ, но, не смотря на расположеніе къ нему генералъ-губернатора, на это повышеніе по службѣ, до такой степени тосковалъ по енисейской жизни, что просилъ, какъ милости, перевести его опять туда. Генералъ-губернаторъ предлагалъ сдѣлать его директоромъ Т. фабрики, но на это старый гусаръ отвѣтилъ: «нѣтъ, ваше высокопревосходительство, не могу я тамъ быть, ибо взятки брать я неспособенъ, а не буду брать и дѣлиться съ Иркутскомъ, меня завтра же упекутъ подъ судъ; такъ ужъ дозвольте мнѣ занять опять мѣсто енисейскаго городничаго, какъ только тамъ будетъ вакансія».

Въ 1856 году его вновь назначили въ Енисейскъ, и онъ оставался въ этой должности лѣтъ 5, пока не получилъ мѣста бригаднаго командира за Байкаломъ, гдѣ умеръ около 1864 года, не оставивъ почти ничего, исключая памяти добраго, прекраснаго человѣка.

...Но я ужъ зашла слишкомъ впередъ; надо обратиться къ слѣдующимъ личностямъ, встрѣтившимъ меня при въѣздѣ моемъ въ Енисейскъ. Горный исправникъ въ это время жилъ зиму тоже въ городѣ, былъ неглупый и хорошій человѣкъ, но нелюдимъ порядочный, или, какъ говорила его супруга, «молчаливый». Золотопромышленники платили ему дань, но все же онъ менѣе былъ извѣстенъ поборами, нежели его помощникъ, Г. А. Т., живущій лѣто и зиму въ тайгѣ. Этотъ господинъ, вѣчно больной, когда дома, и готовый плясать до упаду и пѣть всѣ вечера: «По небу полуночи», какъ только пріѣзжалъ въ городъ,—говорилъ сладко, все больше о счастьи имѣть образованіе и бесѣдовать съ образованной женщиной. Между тѣмъ, стоило случиться чему-нибудь на пріискахъ, какъ этотъ богоглаголивый Аввакумъ налеталъ тотчасъ же и выжималъ все, что могъ, съ владѣльца пріиска или его управляющаго: при большихъ купахъ и мосты могли проваливаться, и отвалы засыпать народъ, и кормить плохо рабочихъ дозволялось, и на поздній часъ работъ смотрѣлось сквозь пальцы, лишь бы не забывали приносить должное и помогали округлять его состояніе!

Земскимъ исправникомъ въ это время былъ А. И. З., извѣстный тѣмъ, что, по желанію губернатора П., онъ совершилъ великій подвигъ, превративъ дорогу изъ Красноярска до Енисейска въ прекраснѣйшее шоссе, такъ что 300 верстъ эти проѣзжали

ровно въ сутки... Дѣлалось это крестьянами, работа, говорятъ, была ужасно трудная,—но и до сихъ поръ, кажется, всѣ канавы существуютъ, и проѣзжающіе благодарятъ З. за прекрасный путь.

Исключая этого персонала властей, въ обществѣ тогда были видны нѣсколько управляющихъ пріисками и управляющій откупами. Изъ числа первыхъ стоитъ назвать И. В. К., какъ передъ вами явится личность чугуевца—улана старыхъ временъ, до старости танцующаго безъ устали, распорядителя всѣхъ баловъ и пикниковъ, mangeur des coeurs, красящаго волосы, всегда имѣющаго видъ полковаго командира, и самаго неспокойнаго характера. Въ первый же балъ, которымъ онъ при мнѣ распоряжался, онъ неосторожно кутнулъ, и на вопросъ одного доктора, почему нѣтъ въ числѣ гостей другаго врача, его товарища, воинъ-распорядитель отвѣтилъ: «благодари, дуракъ, что и тебя пригласили!» Конечно, этотъ обидѣлся, послѣдовала драка, затѣмъ вызовъ на дуэль, принесенъ былъ ужъ и ящикъ съ пистолетами, но гусаръ-городничій уговорилъ оставить это дѣло и идти всѣмъ спать. Дня черезъ три битый чугуевецъ дѣлалъ по городу визиты и говорилъ, что его репутація уже давно составлена, почему эта случившаяся исторія не можетъ его чернить. Изучилъ онъ нравы енисейцевъ отлично; зналъ, что въ дамской уборной слѣдуетъ, вмѣсто одеколона, налить водки, ибо енисейскія «маменьки» считаютъ за позоръ выпить рюмку вина въ обществѣ, но въ уборной, когда никто не видитъ, съ большимъ удовольствіемъ хлебнутъ этого *одеколона*. Пріѣзжая съ визитомъ въ домъ енисейца, нашъ полковникъ никогда не оставлялъ карточки, если никого изъ хозяевъ не было дома, на томъ основаніи, что *домъ никуда не ушелъ*, и всѣ бы сочли обидой, если бы онъ и безъ хозяевъ не вошелъ и не посидѣлъ нѣсколько минутъ. Когда мы пріѣхали, понятія о многомъ у енисейцевъ были странныя; напримѣръ, считали величайшимъ неприличіемъ носить не шелковыя или не шерстяныя платья, выходя на улицу; когда я появлялась на прогулку въ кисейномъ или, чего Боже сохрани, ситцевомъ платьѣ, то на меня смотрѣли съ такимъ же удивленіемъ, какъ если бы я шла совсѣмъ неодѣтая. Приглашая меня на свадьбу, мать невѣсты покорнѣйше просила *надѣть всѣ мои бриллiанты* и вообще *одѣться понаряднѣе*, заявляя, что желаютъ свадьбу сдѣлать *парадную*. Былъ тогда обычай, что, какъ только дѣвушка объявлена невѣстой, всѣ ея знакомые дѣлаютъ ей подарки, и не бездѣлицы только на память, а чуть-чуть не цѣлое приданое собирается, и это безразлично для бога-

тыхъ и для бѣдныхъ дѣвушекъ. Распорядителемъ на свадьбѣ приглашали всегда почетнаго господина, называя его *тысяцкимъ*: на его счетъ освѣщалась церковь, платили пѣвчимъ, и онъ же обязанъ былъ платить за вѣнчаніе. Въ Россіи этого обычая не было.

Управляющимъ откупа тоже не мѣшаетъ заняться. Это былъ человѣкъ очень смѣлый въ манерахъ и разсужденіяхъ, очень занятый политикой,—венгерская кампанія тогда была,—и безъ всякихъ комментаріевъ произносящій: «Англія не позволитъ!» при какой-нибудь политической бесѣдѣ. Разсказывалъ онъ иногда, что королева Викторія сказала рѣчь и удалилась въ свои «*апарламенты*»; но это не мѣшало ему важничать своимъ всезнаніемъ. Жена его—далеко неглупая женщина, изъ простыхъ казачекъ, чрезвычайно симпатичной наружности, желающая образовать себя, на сколько возможно... Она была подъ ферулой улана-чугуевца, почему въ обществѣ держала себя очень несмѣло; но впослѣдствіи взялъ на себя задачу ея развитія одинъ прекрасно образованный человѣкъ, и изъ нея вышла хорошая женщина. Былъ еще главноуправляющій золотыми дѣлами Г., старый нѣмецъ Ш.; онъ получалъ въ годъ 15 тысячъ; семья его въ Москвѣ, кромѣ того, жила на всемъ готовомъ отъ Г.; дѣти воспитывались на счетъ Г., а между тѣмъ этотъ нѣмецъ изъ жидовъ представлялъ изъ себя такой образецъ скупости, какіе встрѣчаются весьма рѣдко. Квартиры особой онъ себѣ не нанималъ, а жилъ при конторѣ; стола дома не имѣлъ, но ходилъ обѣдать по очереди ко всѣмъ знакомымъ, а по окончаніи обѣда собиралъ всѣ оставшіеся куски бѣлаго хлѣба, и, обращаясь къ хозяйкѣ, говорилъ: «душечка, я буду это брать себѣ къ чаю?» Если же по нездоровью не могъ выйти изъ дому, то посылалъ за супомъ къ женѣ одного изъ служащихъ или довольствовался однимъ яйцомъ въ смятку... и это при 15 тысячахъ въ годъ, чуть ли не 70 лѣтъ старецъ! Въ дѣлахъ компаніи онъ положительно ничего не дѣлалъ, всѣмъ орудовалъ другой его товарищъ, Т., жившій зимой постоянно въ Красноярскѣ и имѣвшій среди золотопромышленниковъ репутацію таежнаго Наполеона. «Т. сказалъ»—была фраза, не дозволявшая никакихъ возраженій.

Въ городѣ, въ это же время, жилъ до-нельзя замѣчательный старикъ-милліонеръ П. Е. К.; ему было, вѣроятно, подъ 70, но черные, какъ угли, его глаза могли спорить въ блескѣ съ молодыми; волоса, совершенно бѣлые, высокій ростъ, добродушный старческій смѣхъ, остались у меня въ памяти. Сначала я боялась его посѣщенія: мнѣ говорили о К., какъ о сердитомъ старикѣ,

который слишкомъ рѣзко заявляетъ свои мнѣнія, на всѣхъ женщинъ смотритъ недружелюбно и проч., но потомъ я имѣла случай не разъ убѣдиться, что въ немъ было много теплаго участія и тонкаго пониманія людей. Жизнь онъ велъ какую-то мудреную: занималъ большой домъ, имѣющій видъ аббатства, но сидѣлъ всегда въ одной комнатѣ, куда не дозволялось входить прислугѣ, и убирать, что бы тутъ ни было, запрещалось. Посѣтители могли видѣть и огарокъ свѣчки, и половину калача на окнѣ, и банку варенья (старикъ любилъ сладкое), и пепелъ отъ сигары... Денегъ у него было такое множество, что, уѣзжая черезъ годъ послѣ нашего прибытія изъ Енисейска на родину—въ Кунгуръ, П. Е. выбросилъ не одну сотню тысячъ *старыхъ*, никуда негодныхъ ассигнацій; груды соболей тоже оказались съѣденными молью; а между тѣмъ старикъ терпѣть не могъ, когда обращались къ нему съ просьбою о деньгахъ, и всегда отвѣчалъ: «Ну, какія у меня деньги!» При этомъ отвѣтѣ не нужно было пасовать, а рѣшительно объявить, что «безъ денегъ не уѣду отъ васъ»; тогда старикъ расхохочется и дастъ хоть 30—50 тысячъ, безъ процентовъ, безъ всякихъ формальностей. Случалось ему заключать условія, обязывающія кредитора три дня сряду играть съ нимъ на билліардѣ—его любимая игра. Незадолго до венгерской кампаніи, слѣдовательно имѣя уже около 60 лѣтъ, П. С. самоучкой выучился по-французски и въ 1849 году выписывалъ Journal des Débats, приглашая въ переводчики къ себѣ знающихъ языкъ лучше его, въ случаѣ какихъ-либо затрудненій.

Вотъ приблизительно весь составъ тогдашняго общества, если не считать домовъ собственно енисейскаго купечества, изъ которыхъ былъ на виду только одинъ, К., очень умнаго солиднаго купца, старавшагося жить болѣе цивилизованной жизнью и не смотрѣвшаго, подобно прочимъ енисейцамъ, враждебно на пріѣзжихъ изъ Россіи. Домъ у него былъ прекрасный, пріемъ всегда радушный, и, по случаю его торговли въ Кяхтѣ, можно было видѣть у него все китайское, начиная отъ прелестныхъ инкрустацій и кончая превкусной пастилой. Первое впечатлѣніе Енисейскъ производилъ лучше многихъ городовъ, т. е. въ пятидесятыхъ годахъ, до пожара: тогда тамъ было много каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ, 10 приходскихъ церквей, 2 монастыря, и нѣкоторые дома очень старинные; только нужно замѣтить, что всѣ эти каменные, хорошіе дома принадлежали коренному енисейскому купечеству и были большею частію построены еще во времена «воеводъ». Го-

родъ вытянулся по берегу Енисея на большое пространство, а въ ширину, исключая набережной, имѣлъ двѣ улицы, и еще на горѣ, около мужскаго монастыря, находилось нѣсколько улицъ; словомъ, городъ представлялъ довольно правильный видъ. Я уже сказала, что купечество отличалось большими каменными домами, но въ 1849 году всѣ почти владѣтели этихъ палатъ или умерли, или обѣднѣли, почему сами они или ихъ вдовы помѣщались въ нижнихъ этажахъ; бельэтажи отдавали въ наемъ, большею частію управляющимъ золотопромышленныхъ компаній. Нѣкоторые золотопромышленники имѣли, впрочемъ, собственные дома, но они всѣ поражали своей невзрачностью и заставляли удивляться, какъ эти богачи, проживая тысячъ по 30-ти въ годъ (по малой мѣрѣ), выпивая въ одно лѣто по 1,200 бутылокъ шампанскаго (фактъ), такъ мало заботились о своихъ жилищахъ и комфортѣ. Напримѣръ, богачи С—вы, извѣстные своей щедростью, жили въ Енисейскѣ съ 1840 по 1849 годъ въ маленькомъ деревянномъ домишкѣ въ 2 этажа, какимъ бываютъ въ деревняхъ постоялые дворы,—крыльцо было съ боку пристроенное, съ крутой лѣстницей, крытой опять таки по-деревенски; комнаты крошечныя, изъ всякой дверь въ сѣни; мебель какая-то самодѣльщина, состоящая изъ высочайшихъ табуретовъ безъ спинокъ; всюду неуютно, неприглядно; и это жили люди, очень хорошо понимающіе комфортъ, люди, совсѣмъ не скупые, но въ Енисейскѣ имъ казалось совсѣмъ ненужнымъ строить дома, обзаводиться мебелью и проч., въ силу того, что они себя тутъ не прочили и, наживая милліоны, всегда помнили, что они пріѣхали только *на время*. Такимъ образомъ, проходили десятки лѣтъ, пріиски работались, золото было богатѣйшее, а если взглянешь на домъ владѣльца, подумаешь, что пришелъ къ бѣдному мужику... И странно было видѣть въ этихъ плохихъ домахъ море вина, страсбургскіе пироги, самородки въ видѣ пресс-папье, а всего страннѣе было видѣть хозяина, красиваго молодца, вполнѣ понимающаго и свѣтскую жизнь, и жизненныя удобства! Первая причина, почему они не заботились о городскихъ своихъ жилищахъ, состояла, мнѣ кажется, въ томъ, что время съ половины марта по 14-е сентября они всѣ проводили въ тайгѣ, а по первому зимнему пути большею частію ѣздили въ Петербургъ; слѣдовательно, енисейскій домъ нуженъ былъ имъ для конторы и для собственнаго пребыванія не болѣе какъ на два мѣсяца въ году. Впрочемъ, въ золотопромышленномъ мірѣ было какъ-то въ обычаѣ жить только настоящимъ: потому ли, что добычу золота нельзя

заранѣе предвидѣть,—одинъ годъ шло фунтовое содержаніе, на другой годъ приходилось въ половинѣ лѣта сводить рабочихъ за неимѣніемъ золота; потому ли еще, что сами *хозяева* пріисковъ жили тутъ мало, а управляющіе не были увѣрены сохранить свои мѣста на нѣсколько лѣтъ, но тамъ безпрестанно слышалась фраза: «не стоитъ заводить!» По этой причинѣ съ 1840 года до сихъ поръ нѣтъ порядочной дороги на пріиски, не было хорошихъ домовъ въ городѣ, не было ни у кого сносной мебели до 1850 года, экипажей, даже не разводили *спаржи* единственно оттого, что ѣсть ее можно года черезъ два или три, а *«кто знаетъ*, пробудемъ ли здѣсь такъ долго?»

Вскорѣ послѣ моего пріѣзда одна енисейская купчиха, старушка лѣтъ 60, когда-то принимавшая въ своемъ домѣ Сперанскаго и бывшая въ свое время самой образованной дамой города, спросила меня, не желаю ли я купить у ней фортепіано, такъ какъ мой рояль еще не привезенъ и до нея дошли слухи, что я скучаю безъ музыки. Разумѣется, я очень обрадовалась, въ ту же минуту побѣжала къ ней, вхожу и спрашиваю, гдѣ же фортепіано? Старушка подводитъ меня къ маленькому, узенькому *столику* и, открывая дощечку, торжественно объявляетъ, что это фортепіано сдѣлано ей въ *Тобольскѣ*, гдѣ она родилась; выдавая ее замужъ въ такой отдаленный край, какъ Енисейскъ, *родитель боялся, что она скучать будетъ, и приказалъ сдѣлать фортепіано*, не болѣе какъ въ 4 октавы самаго ужаснаго тона, а теперь она уже давно не играетъ и вздумала меня утѣшить, тоже на чужой сторонѣ. Въ уваженіе такой милой внимательности ко мнѣ, я конечно не расхохоталась надъ этимъ тобольскимъ Эрардомъ, но, выразивъ старушкѣ мою благодарность, сказала, что ея фортепіано мнѣ не подходитъ. Воображаю ея удивленіе, когда черезъ полгода мнѣ пришлось квартировать въ ея домѣ и оглашать ея залу громкими звуками концертнаго рояля Вирта, да и прогрессъ такъ пошелъ въ гору по части музыки, что въ 1861 году было въ Енисейскѣ около 10 хорошихъ роялей, между тѣмъ какъ въ 1849 я застала только *единственное тобольское произведеніе*.

Въ то время не было въ Енисейскѣ рѣшительно никакой возможности дать какое-нибудь образованіе дѣтямъ; въ уѣздномъ училищѣ были очень плохіе учителя, большею частію пьяные или совсѣмъ древніе, а иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ уроки какого-нибудь предмета и совсѣмъ прекращались за неимѣніемъ учителя. Кромѣ уѣзднаго училища было еще духовное, для мальчиковъ, которыхъ, послѣ трехлѣт-

няго курса, переводили въ красноярскую семинарію; это духовное училище помѣщалось въ мужскомъ монастырѣ, очень обширномъ по постройкамъ, но имѣющемъ только трехъ или четырехъ монаховъ, отличавшихся всякими скандалами до прибытія архимандрита, котораго ждали въ Енисейскъ съ 1849 года по 1856: вѣроятно, трудно было найти желающаго ѣхать въ такой пустой и бѣдный монастырь. За то въ 56 году новый архимандритъ очень скоро измѣнилъ все,— монаховъ прибавилось, явились хорошіе пѣвчіе, церковь всегда полна народа, а самъ архимандритъ по столичному заботился о красивой обстановкѣ своего служенія, что на енисейцевъ дѣлало очень хорошее впечатлѣніе. При женскомъ монастырѣ учились нѣсколько дѣвочекъ, но сами монахини были такія малограмотныя, что можно было только жалѣть ихъ ученицъ: вся ихъ премудрость ограничивалась чтеніемъ церковныхъ книгъ и вышиваньемъ *синелью* самыхъ невозможныхъ цвѣтовъ; но и такому ученью жители были рады, потому что до 1860 года никакой женской школы въ Енисейскѣ не существовало. Въ послѣдніе годы, т. е. около 1857—58 г., было нѣсколько образованныхъ дамъ, которыя брали къ себѣ дочерей енисейскихъ купцовъ для ученья, потомъ нѣкоторые золотопромышленники имѣли гувернантокъ въ своихъ домахъ; но когда я пріѣхала въ 49 году, всѣ купеческія дочки оставались безо всякаго образованія, и только *одна* была отвезена въ Иркутскій институтъ, откуда явилась въ 50 году очень миленькой дѣвушкой, но, выйдя вскорѣ замужъ за пьянаго енисейскаго купца, черезъ годъ умерла чахоткой. Магазиновъ было нѣсколько, былъ и гостиный дворъ, но туда положительно никто не заглядывалъ, и все общество довольствовалось товарами *двухъ* магазиновъ, сильно конкурировавшихъ между собой; въ этихъ магазинахъ можно было имѣть рѣшительно *все*, начиная отъ кунгурскихъ сапоговъ до петербургской шляпки и отъ китайскаго леденца до лучшихъ французскихъ консервовъ; были тутъ и золотыя вещи, и серебро, и книги, и вино, и чай, и посуда, и вата, и табакъ, словомъ, чего хочешь, того и просишь! Всѣ товары доставлялись съ Ирбитской и Нижегородской ярмарокъ, легкія же вещи, матеріи, разныя моды, присылались комиссіонерами по почтѣ изъ Петербурга. Съѣстные припасы тамъ были такіе, какихъ въ губернскихъ городахъ Россіи положительно не найдешь, потому что за цѣной никто не гнался и платили бѣшеныя деньги, только бы съѣсть что-нибудь вкусное. Матеріи привозились тоже очень хорошія, но весьма малое количество, такъ что иныя щеголихи разомъ закупали *всѣ*, чтобъ ни у кого другаго *хорошихъ*

платьевъ не было. Когда привезутъ товары, купцы разсылали въ подарокъ свѣжіе яблоки и лимоны, смотря по чину и значенію, кому пятокъ, кому только *три*, а при полученіи съ почты какихъ нибудь рѣдкостей, считали долгомъ присылать на домъ покупателямъ, которыхъ отличали, всѣ лучшія матеріи и привезенные наряды, съ предложеніемъ купить, иначе рисковали, что барыни обидятся, если вдругъ на комъ-нибудь не comme il faut увидятъ петербургское платье.

Въ первый годъ моего пребыванія тамъ не было ровно никакихъ общественныхъ удовольствій; всѣ сбирались другъ у друга, мущины играли въ карты; но ужъ я не застала *банковой* игры, какая существовала во времена начала золотопромышленности, когда, говорятъ, куши въ нѣсколько десятковъ тысячъ переходили изъ рукъ въ руки. Дамъ въ городѣ было мало, дѣвицъ еще меньше, почему первую зиму ничего общаго не устроивалось. Лѣтомъ же всѣ немного оживились; ѣздили за городъ, катались по Енисею, который, впрочемъ, представлялъ тогда мало удобствъ: пароходовъ еще не было, а лодки часто перевертывались, такъ какъ Енисей около города версты въ двѣ ширины и на немъ нерѣдко поднимаются бури. Въ началѣ мая явился къ намъ нашъ гусаръ, городничій, съ ужасомъ возвѣстившій, что черезъ недѣлю приплывутъ изъ Троицкаго завода 100 или 150 человѣкъ *каторжныхъ*, которые будутъ строить тутъ мостъ на маленькой рѣчкѣ, протекающей внутри города. Постройку эту долженъ былъ производить милѣйшій инженерный поручикъ изъ Красноярска, Бурнашевъ. Всѣ мы донельзя были рады его пребыванію у насъ на все лѣто, но 150 человѣкъ каторжныхъ, живущихъ *на баркахъ*, у самаго города, при очень слабомъ караулѣ, при 3—4 человѣкахъ дряхлыхъ солдатъ пожарной команды вмѣсто всякой охраны, невольно пугали даже нашего храбраго воина—городничаго! «Помилуйте, кричалъ онъ у насъ, развѣ возможно прислать сюда 100 человѣкъ такого народа, который можетъ взбунтоваться, зажечь городъ, перерѣзать васъ; что же я съ ними сдѣлаю, съ моими инвалидными солдатами?!» На меня, помню, напалъ ужасный страхъ, спать я долго не могла: такъ мнѣ все представлялись эти ужасныя лица, расхаживающія по домамъ съ ножами и зажигающія весь городъ, такъ pour leur bon plaisir... Наконецъ пріѣхалъ инженеръ, началась постройка, и почти до ноября мѣсяца они тутъ жили такъ тихо, смирно, что даже и думать мы забыли, что это каторжники. Бурнашева они ужасно любили, очень его слушали, и во все лѣто случилось только *одно*

происшествіе, *убійство* жены одного изъ каторжныхъ, но тутъ причиной была ревность и уже не относилась къ ихъ прошлому. Лѣто между тѣмъ прошло гораздо веселѣе, по случаю этой постройки, потому что изъ Красноярска наѣзжали разные строители, то для осмотра моста, то просто повеселиться и поплясать въ Енисейскѣ; устроивались у насъ музыкальные вечера, пѣли мы дуэты чуть не всякій день, обрѣли какого-то служащаго въ К° Зот., очень порядочнаго артиста на скрипкѣ, и такимъ образомъ зажили жизнью, далеко непохожей на прежнюю енисейскую, гдѣ вино и карты были на первомъ планѣ. Въ сентябрѣ, ко времени выѣзда горныхъ властей и золотопромышленниковъ изъ тайги, явился въ городъ циркъ; наѣздники и наѣздницы были, сколько помню, неважные; пантомимы представляли они весьма плохія; циркъ построенъ былъ наскоро, всюду дуло, но публика, не смотря на это неудобство, посѣщала его усердно и очень была довольна представленіями, особенно ученой лошадью «Магометъ», которую потомъ старался представить самолично старикъ Жмаевъ, знаменитый открыватель богатыхъ пріисковъ Зот., бывшій киргизъ, потому имѣвшій слабость къ лошадямъ, и самъ отличный ѣздокъ, не смотря на свои лѣта. Этотъ Ж. былъ чрезвычайно интересной личностью; умный, хитрый киргизъ, съ глазами, насквозь проникающими, онъ былъ такъ преданъ Зот. и ихъ интересамъ, такъ любилъ тайгу, что и въ 90 лѣтъ не оставлялъ этой жизни. Открывъ богатства Севагликана, онъ самъ ровно ничего не имѣлъ, и Зот., за всю его преданность, за всѣ его труды и лишенія въ продолженіе слишкомъ 30-лѣтней его дѣятельности, ничѣмъ не обезпечили его и даже чуть ли не запутали его въ дѣлахъ своего конкурса. Удивленія достойно то обстоятельство, что *всѣ золотопромышленники* того времени, владѣя страшно богатыми пріисками, не только не сдѣлались богачами, но положительно *всѣ* кончили свое поприще при конкурсахъ и администраціяхъ, исключая развѣ Асташ. и Базил. Положимъ, жили они въ 40-хъ годахъ безумно, пили много, бросали деньги, но все же невозможно *прожить* такое богатство какъ, напримѣръ, Мясниковыхъ, Мошаровыхъ, Зотовыхъ, добывавшихъ на нѣкоторыхъ пріискахъ по пуду въ день въ продолженіе всего лѣта. На Гаврил. пріискахъ К° Мошаровъ и Рязановъ заведено даже было изъ пушки палить, когда намоютъ пудъ въ день, а между тѣмъ и они кончили съ конкурсомъ. О Гор. уже и говорить нечего; въ мое время ихъ управленіе въ Енисейскѣ представляло самую жалкую картину: во главѣ резиденціи былъ совсѣмъ непредставительный господинъ, но

славившійся искусствомъ занимать деньги даже у монахинь, пріѣзжавшихъ въ городъ за сборомъ; ухитрялся онъ занимать по 300—500 рублей, и, вѣроятно, еще и до сихъ поръ числятся эти деньги у монастыря за конкурсомъ Гор.; самъ же великолѣпный въ то время золотопромышленникъ Г. проводилъ, по возвращеніи съ пріисковъ, въ Енисейскѣ съ недѣлю, посѣщалъ всѣ обѣды, въ честь горныхъ властей устраиваемые, и балы *осенняго сезона*, самаго веселаго въ Енисейскѣ, являясь всюду въ какомъ-то замысловатомъ перстнѣ, въ которомъ были миніатюрные часы, и этими часиками былъ такъ занятъ премудрый философъ, что не обращалъ никакого вниманія на свои пріиски.

Устраивать обѣды и балы осенью въ честь горныхъ властей было въ то время принято: власти пріисковыя состояли изъ горнаго ревизора, его помощника, жандармскаго полковника, и при нихъ всегда пріѣзжало множество молодежи; въ числѣ ихъ были люди нужные, какъ наприм., отводчикъ площадей, правитель канцеляріи горнаго ревизора, но постоянно присоединялись къ этому обществу нѣсколько человѣкъ совершенно непричастныхъ дѣлу,—бывали адъютанты иркутскихъ губернаторовъ, которымъ не было надобности объѣзжать енисейскіе пріиски, а дѣлали это такъ, изъ любопытства; бывали горные офицеры съ Урала, желавшіе видѣть работы сѣверной системы, какъ лучшія во всей Сибири; даже случалось намъ принимать вмѣстѣ съ ревизоромъ пѣвцовъ, разныхъ авантюристовъ, артистовъ, желавшихъ снять пріисковые виды, и пр. Всѣ эти господа ѣхали въ тайгу на *лошадяхъ, принадлежавшихъ* золотопромышленнымъ компаніямъ, съ половины іюня до 10-го сентября *жили на пріискахъ*, получая помѣщеніе и всякое угощеніе отъ тѣхъ же владѣтелей пріисковъ; наконецъ, въ городѣ, въ продолженіе двухъ недѣль слишкомъ, приглашали ихъ всѣ по очереди на обѣды и вечера, и все это дѣлалось по какой-то традиціи, хотя всякій изъ нихъ хорошо зналъ, что его пріѣздъ ровно никакой пользы не приноситъ ни дѣлу, ни личности золотопромышленника.

Ревизоръ, во всѣ 10 лѣтъ моего пребыванія въ Сибири, былъ у насъ добрѣйшій изъ добрыхъ В. В. Кл.; не только стѣсненія, придирки какой-нибудь съ его стороны не было, но всегда и всѣхъ онъ встрѣчалъ самымъ деликатнымъ, лучшимъ образомъ, только нельзя было ждать отъ него ни помощи, ни поддержки—ужъ очень добръ былъ! Вслѣдствіе же этой доброты любилъ онъ возить съ собой различныхъ адъютантовъ и артистовъ, совершенно забывая, что, доставляя имъ удовольствіе проѣхаться въ тайгу, онъ этимъ ставитъ зо-

лотопромышленниковъ въ обязанность развозить и принимать людей совершенно ни на что для нихъ непригодныхъ. Ѣдетъ В. В. прощаться передъ отъѣздомъ въ тайгу и преспокойно говоритъ: «вы желаете взглянуть на пріиски, такъ поѣдемте со мною, весело проведемъ лѣто, въ Енисейскѣ такъ радушны всѣ, поѣдемте!» И вотъ такимъ образомъ являлся къ намъ какой-то блестящій адъютантъ полякъ, котораго нашъ городничій иначе не называлъ, какъ панъ Удовлинскій, и только все поражалъ насъ разсказами, въ которыхъ большую роль играла: «моя генеральша»...

Помощникъ горнаго ревизора первые года былъ горный подполковникъ, очень дѣльный и гораздо умнѣе самого ревизора, но важный и порядочно придирчивый баринъ. Послѣ него, Богъ знаетъ какими путями, сдѣлался помощникомъ *горнаго* ревизора— инженеръ *путей сообщенія*, тотъ самый, что началъ неудачно постройку красноярскаго собора. Этотъ инженеръ путеецъ не только въ горномъ дѣлѣ ничего не смыслилъ, но и вообще не отличался умомъ; ѣздилъ же всякій годъ подписывать «свидѣтельства на сдачу золота» и оставлялъ Енисейскъ вполнѣ довольный радушіемъ всѣхъ компаній. Жандармскій штабъ-офицеръ имѣетъ обязанность слѣдить за содержаніемъ рабочихъ, за ихъ помѣщеніемъ, за срокомъ работъ, но и тутъ на дѣлѣ выходило мало толка, ибо всякій золотопромышленникъ заранѣе зналъ, въ какой день посѣтитъ его начальство; разумѣется, въ этотъ день не кормили рабочихъ испорченнымъ мясомъ, что зачастую случалось въ другіе дни, кончали работы рано, давали отдыхать, т. е. соблюдали свято всѣ правила; что же касается до помѣщенія, то при мнѣ былъ случай, когда ловкій управляющій дѣлами Зот. показалъ намъ новыя казармы, гдѣ жили рабочіе нашего пріиска, сосѣдняго съ Зот., жандармскому полковнику, увѣривъ его, что это вновь построенныя на площади Зот., и полковникъ не догадался, что это же самое зданіе уже онъ видѣлъ дня четыре раньше, когда инспектировалъ нашъ пріискъ.

Съ однимъ изъ жандармскихъ штабъ-офицеровъ разъѣзжали по всѣмъ пріискамъ его молодая жена и свояченица, обѣ верхомъ въ мужскомъ костюмѣ; такія были амазонки, что не боялись самой ужасной таежной дороги и неутомимы были въ ѣздѣ, такъ что удивляли привычныхъ пріисковыхъ ѣздоковъ. Верстъ по 70 онѣ дѣлали безъ отдыха. Понятно, что цѣлая семья властей была еще менѣе страшна, тутъ ужъ ни о какой инспекціи и рѣчи не было,— ѣздили въ тайгу просто жуировать, устраивали танцы, пикники,

обѣды; а въ городѣ ждали опять праздники и непремѣнно концерты, театры, разные фокусники. Все это началось въ Енисейскѣ съ пятидесятыхъ годовъ, и обо всѣхъ такихъ увеселеніяхъ нужно было бы разсказать поподробнѣе. 10 лѣтъ много измѣнили строй енисейской жизни, въ нее вошелъ болѣе семейный элементъ,—«женщина» начала играть большую роль въ обществѣ, ради ея многое исчезло съ лица земли, по весьма понятной причинѣ: до 1849 года не было никогда во всемъ этомъ кругу, что называется, образованной женщины, пили енисейцы сороковыми бочками, позволяли себѣ всякіе скандалы, не думая, что черезъ это страдаетъ семья, а когда вошли въ общество семейные люди—все, конечно, приняло другой видъ, почему пятидесятые годы сильно разнятся отъ сороковыхъ въ енисейскихъ воспоминаніяхъ. Можно сказать, что въ Енисейскѣ въ это время началась эмансипація семействъ, какъ при Петрѣ Великомъ въ Россіи.

А. Б—а.